

Моё житьё-бытьё на Колыме

Зимой, после прибытия на Колыму в совхоз «Нижнеколымский», я стал работать заведующим зверофермой голубых песцов в селе Колымское. На краю небольшого чукотского посёлка на огороженной деревянным частоколом высотой до 3 метров территории содержалось 600 голубых зверьков взрослого стада.

Производственными показателями в Якутии звероферма не блистала, была где-то в хвосте, так как много зверей, особенно молодняка, погибало от инфекционных заболеваний.

И это несмотря на то, что кормами звероферма была обеспечена в полном объёме и профилактические прививки от опасных заболеваний проводились вовремя.

Если зимой общая картина территории выглядела под снегом прилично, то летом она повергла меня в шок — звероферма утопала в болоте, местами по колёно. Звероводы с опаской ходили по шатким деревянным настилам с тяжёлыми вёдрами с кормом для зверей. Ни о какой механизации и облегчения их труда не было и речи.

Запах от отходов жизнедеятельности зверьков и остатков корма стоял вокруг невероятный. Мухи и другие насекомые роем носились вокруг клеток и разносили различные болезни. Естественно, начался падеж родившегося весной молодняка. Больно было смотреть на измождённых болезнью, безучастных к пище щенят, неподвижно лежащих в клетках.

Я решительно поставил перед директором совхоза вопрос о переносе и реконструкции зверофермы. Ответ был обескураживающим: для переноса на более сухое место в совхозе не было денег.

При обращении в Министерство сельского хозяйства Якутии был получен отказ с успокоением, что в следующую пятилетку они этот вопрос решат положительно.

С управляющим Колымским отделением В. Винокуровым, с которым я подружился, стали думать, как выйти из этого замкнутого круга.

Как говорил Остап Бендер: «У человека есть выход из любой жизненной ситуации, нет только выхода из заколоченной крышки гроба!»

Решили весной, в апреле месяце, поставить на берегу реки Омолона деревянную эстакаду, куда бульдозером стаскивать речной гравий и самосвалом отсыпать болотистую площадь рядом со зверофермой. Всё это

сделать хозспособом за небольшую плату. Предварительно всё болото на звероферме устлали брёвнами, благо плавника на берегу р. Колымы было предостаточно.

Несмотря на то, что расстояние до Омолона было более трёх километров, мы быстро отсыпали новую площадку.

Предстоял второй, не менее важный этап — реконструкция старых клеток и строительство новых для молодняка. С трудом, но и эта задача была выполнена. Старое заражённое место срезали ножом бульдозера и засыпали хлоркой.

На следующий год первых щенят заботливые мамы рожали уже в новых клетках. Падеж прекратился. Настроение у звероводов было приподнятое, и по результатам года были достигнуты высокие показатели по выходу и сохранности молодняка голубых песцов.

По итогам года из 121 зверохозяйств мы вошли в десятку лучших в Якутии.

Это была наша первая общая победа!

Одно время я загорелся идеей скрестить голубых песцов с их белыми сородичами для получения более сильного и устойчивого к болезням потомства.

Благо белых песцов вокруг Колымска было предостаточно.

Наша матушка природа, следуя своим неписанным законам, ежегодно осенью в Арктике начинает массовую миграцию белых песцов. Удивительно было наблюдать, как «синявки» (невылинявшие песцы, имеющие летний мех синего цвета) целыми полчищами бегут вдоль р. Колымы в направлении на север, изредка останавливаясь в местах изобилия мясного или рыбного корма. В основном они движутся вслед за другими мигрантами — леммингами (мышевидные, на конечностях которых имеются небольшие копытца, чтобы добывать корм и рыть норы в твёрдом арктическом снегу), которые являются их основной пищей.

Охотники в это время на Колыме неводят и заготавливают тоннами рыбу, в основном ряпушку, которую предварительно несколько дней квасят в металлических бочках из-под бензина. Затем зарывают прокисшую рыбу в глубокие ямы, оставляя небольшой лаз для песцов. Таким образом прикармливают зверьков до полного созревания их мехового покрова, т.е. до наступления зимы. Затем рядом ставят капканы или настораживают ловушки-пасти и сдают пушнину государству, получая деньги на содержание своих многочисленных семей.

... В августе по Колыме спускаются вниз к Ледовитому Океану огромные косяки ряпушки. У рыбаков начинается горячая пора — осенняя путина. Длинными неводами они ловят рыбу и тут же отправляют её в подземные ледники-мерзлотники для последующей сдачи государству и отправки в Якутск.

В это время повсюду наблюдается одна и та же забавная картина. Только рыбаки отлучаться попить чай или начнут собирать невод, как толпы мигрирующих песцов с вороватым видом подбегают к месту складирования рыбы и начинают из мешков или лодок тащить в зубах ряпушку, которую на небольшом отдалении с удовольствием и аппетитом уничтожают.

... Ранним утром я подъехал на своей моторной лодке к трудягам-рыбакам, чтобы осуществить свою задумку. В лодке у меня лежали небольшие капканы и несколько звероклеток. У мешков с рыбой я насторожил несколько капканов, предварительно обмотав их дуги марлевым бинтом, чтобы не повредить лапки песцов. Затем попросил рыбаков на время отойти в сторону.

Тут же подскочили к мешкам с рыбой около десятка зверьков и четверо из них сразу попали в ловушки. Я мгновенно подбежал к песцам и по очереди, хватая их за шиворот, освободил от капканов и засунул в звероклетки. План мой полностью удался, и я, удовлетворённый, двинулся на лодке в Колымское, по пути горланя казацкие песни.

На звероферме я внимательно обследовал званых гостей. Одна из них была взрослой самкой, трое остальных были молодняком, родившимся весной этого года. Готовый корм в виде каши, предназначенный для голубых одомашненных песцов, пришельцы демонстративно не ели.

Пришлось кормить их неразделанной рыбой и кусками мёрзлой оленины.

Ежедневно я скармливал им по 4 мёрзлые ряпушки на каждого.

Мне было интересно наблюдать за дикими зверьками. Особенно искал сближения со взрослой самкой, которую, я окрестил «желтоглазкой», за цвет её глаз. Это была крупная особь, отличавшаяся буйным неукротимым нравом. При каждой моей попытке поймать её в клетке, чтобы приучить к себе, она стремительно начинала свои метания, норовя вцепиться острыми когтями или зубами в моё лицо. Благо, что у меня тоже хорошая реакция. Когда она пролетала мимо меня, я успевал быстрым движением правой руки схватить её за хвост, дёрнуть в сто-

рону и левой рукой мгновенно ухватить за шею, прижав самку к дну звероклетки.

Затем давал ей время изрядно покусать мою толстую рукавицу, разговаривая с нею спокойным и ласковым тоном, давая понять ей, что я ей не враг. Но всё было бесполезно. Она воспринимала меня как человека, лишившего её свободы и истинной среды её обитания. Видимо, приручение всё же следует начинать со щенят белых песцов.

... Вскоре на звероферме начался период гона и спаривания голубых песцов для продолжения потомства. В феврале я сделал попытку познакомиться «желтоглазку» с крупным самцом, владельцем красивого элитного голубого меха. Я принёс самочку и выпустил её в клетку для первого знакомства с её предполагаемым ухажёром.

Что тут началось! «Желтоглазка» с ходу налетела на своего суженого и стала рвать его зубами так, что в разные стороны полетели куски его вуалевого меха. Жених от ужаса просто оцепенел и не оказывал ни малейшего сопротивления. Еле оттащил я озверевшую «желтоглазку» от окровавленного песца. На этом мои эксперименты по получению нового гетерозисного потомства закончились...

Нельзя в период гона, когда высококлассные дорогостоящие самцы находятся на особом контроле, подвергать их жизнь опасности и стрессу. Полмесяца мы лечили бедного жениха от полученных ран.

«Желтоглазку» я на следующий день отвёз на другой берег Колымы и отпустил на волю.

Пусть наслаждается свободой — она её заслужила!

... После приезда на Колыму я с восхищением смотрел, как многие охотники лихо носятся по снегу на собачьих упряжках. Сразу в голове засела мысль — «как бы было здорово занять такую упряжку и на ней охотиться и рыбачить в выходные дни».

Снегоходов тогда не было и в помине.

Вскоре, в начале зимы мне представилась возможность приобрести долгожданную собачью упряжку из восьми собак породы «хаски» с умными голубыми глазами. Вожакom был крупный кабель чёрного окраса.

Боже! Как я был счастлив!

Несколько дней, радостный я носился по твёрдому льду Колымы вдоль берега, наслаждаясь быстрой ездой на нартах и приучая собак к себе и командам. Затем серьёзно стал готовиться к охоте на соболей и к подлёдной рыбалке. Ведь четвероногих нужно ежедневно кормить рыбой. За год одна упряжка собак съедает порядка **трёх тонн рыбы**.

Вскоре река окончательно оделась ледяным покрывалом, и я на

упряжке, ранним утром, вооружившись сетями и капканами, пересёк Колыму по тонкому льду.

На другом берегу рос низкорослый лиственничный лес с кривыми изогнутыми стволами. Снег выпал ещё в начале октября и был толщиной более 40 см и затруднял движение собак. Пока добирались до первого озера, и я, и упряжка выдохлись. Приходилось идти по глубоким сугробам, толкая тяжёлые нарты с грузом и налипшим мягким снегом. Я был весь мокрый, тело ныло от напряжённой работы. На озере я начал железной пешней долбить лунки для постановки сетей. Лёд на озере был толщиной более 15 см. Лишь к вечеру я поставил подо льдом около 10 сетей на двух озёрах. Поздно вечером, смертельно уставший, я вернулся домой в Колымское.

Наутро, отдохнувший, я лихо промчался на упряжке по льду Колымы и уже по накатанной дороге стал проверять сети. Улов был превосходный — около трёх мешков пеляди и один мешок крупного озёрного чира, отменного для строганины. Загрузил улов, а это более 100 кг, на нарты. Дал команду собакам и вскоре мы были уже дома. Люба стала жарить пелядь, которая оказалась икряной, и вскоре мы с удовольствием ели вкусную, с хрустящей корочкой, озёрную рыбу и лакомились изумительной малосольной икрой. Из чира я быстро сделал деликатесное блюдо — «пятиминутку», для чего нарезал рыбу на мелкие кубики не более 3 см. Всё это перемешал с небольшим количеством соли, перца и чеснока. Оставил всё в глубокой миске на пять минут, и вскоре званое блюдо было готово.

Но первым блюдом была, конечно, строганина из жирного озёрного чира!

Вначале с мёрзлой рыбыны снимаешь, как чулок, толстую кожу с чешуёй. Затем острым якутским ножом строгаешь её тонкими стружками. И на красивом блюде ставишь на стол. Для нашей семьи это самое любимое и лакомое блюдо. Строганину можно есть каждый день, она богата всевозможными витаминами и полезна для здоровья. Поэтому северные жители никогда не болеют цингой.

Каждые выходные я занимался рыбалкой и попутно поставил несколько капканов на соболей, которые спускались на берег Колымы с верховьев реки Омолон.

Охота и рыбалка были успешными. Я заготовил более тонны рыбы для собак и отловил несколько соболей, два из которых были чёрного цвета с сединой.

На следующий год в совхоз пришли снегоходы «Буран» Рыбинского

механического завода. Один был выделен мне, как управляющему Колымским отделением, и я с сожалением и облегчением распрощался со своей упряжкой собак, которую перепродал знакомому рыбаку. Содержать упряжку — это трудоёмкое занятие. Каждый день их надо кормить, часто на них ездить. У меня такой возможности не было. Это занятие для профессиональных рыбаков и охотников. Поэтому я с удовольствием пересел на снегоход, на котором объездил всю Халарчинскую тундру, включая побережье Восточно-Сибирского моря.

Несколько раз приходил домой пешком, так как снегоход имел привычку ломаться в самый неподходящий момент. Однажды пришлось идти более 50 км. Но я всегда был оптимистом и никогда из этого не делал трагедии, а просто делал выводы. И в следующий раз с собой я вёз на нартах все запасные части и новый двигатель, чтобы не ходить больше пешком по снежной тундре, в сильные ветра и пурги.

Оленеводы-чукчи всегда удивлялись, что я без всякого страха один езжу на «Буране» по тундре и до сих пор жив и здоров.

Действительно, я ничего не боялся. На нартах у меня было всё необходимое, чтобы переждать пургу, которая могла начаться внезапно и дуть три или шесть дней. Со мной всегда была небольшая брезентовая палатка, тёплый олений мешок-спальник, продукты, чайник, фонарик и паяльная лампа для кипячения воды. При приближении пурги, а её я определял по резкому потеплению до -5 градусов и начавшемуся южному ветру, я быстро ставил палатку, укрывая её снегоход и ложился в спальник. Буквально через несколько часов палатку засыпало почти доверху снегом, и ты оказывался в снежном плену. Периодически, набив чайник снегом, разжигал паяльную лампу, через специально сваренный рожок кипятил чайник и с наслаждением пил цейлонский чай со сгущёнкой, а потом опять дремал или спал под заунывный и монотонный вой пурги. И так несколько дней...

Окончание пурги определял по наступившей тишине и прекращению ветра. Тогда я, как полярный белый медведь, маленькой сапёрной лопаткой откапывал палатку, вылазил из своей вынужденной снежной берлоги и спокойно продолжал свой путь.

Люди в пургу замерзают в первую очередь от дикого страха перед силами природы. Только сильный духом, уверенный в себе человек способен выжить в пургу, в этом мне не раз приходилось убеждаться в моей жизни в Арктике.

Однажды в полярную ночь я выехал один в оленеводческое стадо,

стоящее в 40 км от Колымского. Нужно было доставить в бригаду лекарства, продукты и газеты.

Только что прошла пурга, и всё вокруг представляло однообразное снежное пространство. По карте стадо стояло левее к северо-западу от небольшой возвышенности под названием «Шапка-холм». Вскоре снегоход осветил фарами основание этого холма. Стадо по карте должно было стоять в нескольких километрах восточнее этого холма. Свернул налево и более часа в сплошной темноте искал ярангу.

Мороз крепчал. Вскоре пересёк свежий след оленьих нарт и поехал по их следу. Ещё около часа в сплошной темноте искал оленеводческую ярангу, пока вдруг справа от «Бурана», в метре от меня, из-под снега не вылетела красная ракета. От неожиданности я вздрогнул и шарахнулся в сторону. Направив свет фар снегохода на то место откуда вылетела ракета, я увидел выступающий кончик металлической трубы от железной печки и небольшой лаз, ведущий вертикально вниз. Влез в засыпанную доверху снегом ярангу и очутился в окружении гостеприимных оленеводов и блаженного тепла. Сели пить чай с жирной олениной, и оленеводы со смехом рассказали мне, что их сон нарушил треск «Бурана», который кругами носился над ярангой; потом они додумались пустить ракету.

Пурга дула шесть дней, и они не успели откопать своё двухметровое жилище, так как объезжали стадо и проверяли не откололись ли олени. Всё было нормально. Оленеводы в пургу усилили охрану стада вторым оленеводом, чтобы на оленей не напали волки.

... Через два дня, сделав свою работу, я выехал в село. Как только из тундры я заехал в тальниковую рощу лесной зоны, на небольшом снежном пригорке я увидел спокойно сидящую лису; рыжая плутовка смотрела на меня хитроватым взглядом, пошевеливая своим огненным хвостом.

Во мне проснулся охотничий азарт. Я мгновенно, отстегнул нарты с грузом правой рукой, а левой взял своё ружье, прикреплённое к снегоходу и по мягкому глубокому снегу медленно двинулся к лисе. Но рыжая бестия плавно и неторопливо уплыла в тальниковые заросли, махнув на прощание великолепным хвостом.

Я вскочил обратно на «Буран» и резко надавил на газ. Мотор взревел, и я понесся по снежной целине вслед за лисой.

... И тут снегоход неожиданно провалился в глубокую яму, запорошенную снегом. Я чудом удержался на ногах, мгновенно выключил дви-

гатель и осмотрелся. «Буран» сидел в глубокой яме с лыжей, направленной вверх, как в капкане — ни взад, ни вперёд. Стал руками разгребать снег вокруг снегохода. Потом завёл его. Попытался враскачку выехать из злополучной ямы.

... Ни с места. Снегоход зарылся ещё глубже...

Вечерело, тёмные сумерки сгущались на небосклоне, заслоняя много посветлевшие днём отблески далёкого солнца. Потеплело, и начала мести позёмка — предвестница начинающейся пурги. До деревни оставалось где-то километров 15. Мне так не хотелось ночевать несколько дней под снегом в холодной палатке или идти несколько часов пешком до села по мягкому свежему снегу в тяжёлой меховой одежде.

Ещё раз внимательно осмотрел яму с тарахтевшим «Бураном». Прикинул, что вместе с полным баком бензина, налипшим в гусеницах снегом общий вес застрявшего снегохода будет около 250 кг.

Осмотрелся с надеждой найти подходящую жердину или бревно, чтобы с их помощью вытолкнуть снегоход из ловушки. Но тщетно — вокруг торчали только тонкие стволики тальника.

Мужик я нехилый и поэтому решил своими силами вытащить машину, для чего оперся ногами на край ямы, двумя руками ухватился за заднюю дужку снегохода, приподнял его вверх и бросил громадину «Бурана» влево.

Снегоход был на свободе.

Я хотел издать победный крик, но вдруг взвыл от дикой боли в пояснице и почти теряя сознание, мешком повалился на спину. Несколько минут лежал без движения, так как малейшее шевеление причиняло невероятную боль. Чувствую, что начинаю понемногу замерзать. Подумал — что-то нужно делать... Собрался и со страшным криком от вспыхнувшей боли перевернулся на живот.

Отдышался и стал потихоньку подтягивать под себя ноги, чтобы хоть как-то встать на четвереньки. Боль острым шилом пронзила меня, и я опять чуть не потерял сознание. Но мои усилия не прошли даром. Кое-как я встал на четвереньки и потихоньку подполз к снегоходу, который мерно тарахтел, дожидаясь меня. Не помню сколько времени, преодолевая чудовищную боль, я разворачивал снегоход, чтобы встать на проторенную дорогу, и мне это удалось.

Отцепив нарту, я медленно двинулся в Колымское. Сесть на сиденье снегохода не позволяла боль в спине. Так, стоя на коленях на левой его подножке, согнувшись пополам, страдая от каждой выбоины на дороге,

я доехал до дому.

...Несколько дней отлёживался, прогревая и смазывая разными мазями больное место.

Так вот обыденно и быстро я на всю жизнь заработал травматический радикулит, который стал постоянным спутником в моей непростой жизни и имеет привычку возникать и беспокоить меня в самых неподходящих местах.

Но мы уже давно изучили друг друга и как-то находим с ним общий язык.

Я всегда следую своим любимым девизам: «Прорвёмся, чего бы это нам ни стоило!» и «Дорогу осилит идущий».

Я часто ездил по тундре в одиночку и ничего не боялся — ни холода, ни пурги, так как я был уверен в себе, в своих силах и способностях выжить в этих экстремальных условиях.

В пургу и от холода погибают люди слабые духом и впадающие в панику, от которой истощаются внутренние силы организма.

Но Бог и здесь проявляет своё милосердие. Замерзающие люди перед своей кончиной впадают в сладкий сон. Им снится, что они находятся в жаркой стране или в тёплом доме с сильно натопленной печью. Им становится жарко, и они начинают раздеваться догола. В таком необычном состоянии спасатели часто находят замёрзших людей.

Об этом мне рассказывали очевидцы этих ужасных событий. Об одном таком случае мне поведал оленевод одного из хозяйств Оймьяконского района, где мне пришлось проработать четыре года.

... В совхозе «Ючугейский» перед Новым годом работники местного отдела культуры по просьбе оленеводов выехали на четырёхпроводной машине Газ-66 в оленеводческое стадо для показа кинофильмов.

Оленеводы стояли в 50 км от села Ючугей и в 5 км от федеральной дороги Якутск-Магадан. Связались по центральной рации с бригадой и договорились, что оленеводы их встретят у дороги в определённое время и доставят их и оборудование в стадо. Сказано — сделано.

Два дня культработники, а это были две девушки, одной было 18 лет, другой — 30, крутили кино и рассказывали новости оленеводам. Встречей все остались довольны.

На третий день связались по рации с конторой совхоза и попросили прислать за ними машину. Им пообещали, что машина придёт на следующий день, в 12 часов и будет ждать их на магаданской трассе, в том же месте.

На другой день оленеводы предложили девушкам подвести их к

трассе на оленях. Но они заскромничали. Им не хотелось отрывать оленеводов от их непростой работы, где каждый человек на учёте. Свою кинопередвижку они оставили в стаде, договорившись, что через неделю приедут снова. А сами в лёгкой гражданской одежде двинулись навстречу с машиной.

На улице дул ветер и температура было ниже 55 градусов по Цельсию. Дойдя до трассы, девушки несколько часов простояли в ожидании машины, которая так и не пришла.

К их несчастью на оживлённой вроде бы трассе царила мёртвая тишина. Администрация дорожных служб запрещает при таких температурах движение по трассе, да и сами водители-дальнобойщики предпочитают в это время стоять в сёлах у шоферских гостиниц и отдыхать в тепле.

При поломке одиночных машин на трассе в такое время ремонт их оканчивается, если не смертью водителя, то многочисленными его обморожениями. Поэтому водители по Магаданской трассе едут колоннами или парами.

Только опытные совхозные водители водят свои машины в одиночку, в силу отсутствия в сельском хозяйстве необходимого количества машин.

А это игра в рулетку!

... Прождав несколько часов машину, девушки совсем замёрзли.

Вокруг росли низкорослые деревья, среди которых было много сухостоя, но развести костёр они не могли, не было спичек... Рации у них тоже не было.

Решили возвращаться в стадо. Но вдруг выяснилось, что молодая, плотного телосложения девушка не в силах идти дальше, она уже не чувствует своих ног.

Другая девушка постарше, стала тащить её силой, потом поволокла её по снегу. Когда до стада осталось не более километра и силы тащившей женщины иссякли, подруги решили, что нужно одной добраться до оленеводов и вызвать подмогу.

...Старшая побрела из последних сил по снегу в сторону оленеводов. Несколько раз она падала и ей просто, как она рассказывала позже, хотелось заснуть, но в глазах появлялись двое её маленьких детей. Она через силу вставала и шла дальше. Видимо ей помогал её ангел-хранитель. Еле добралась она до стада и вызвала подмогу.

Оленеводы быстро запрягли оленей и помчались по следу девушек. Ранее они были уверены, что девушки благополучно встретили машину

и добрались до села. Они и не предполагали, что старенькая машина сломалась на трассе и водитель лишь через несколько часов еле добрался обратно в село. Сообщить он не смог, контора с рацией была закрыта, была уж глубокая ночь. Он решил сообщить в оленеводческое стадо утром.

... Вскоре оленеводы увидели ужасающую картину...

На снегу сидела со спокойным умиротворенным выражением лица замерзшая молодая девушка... совершенно голая. Рядом лежала, уложенная ровной стопочкой, вся её одежда...

Врачи объясняют такое состояние следующим образом: первыми замерзает и превращается в лед кровь в руках и ногах замерзающего человека. Ледяная кровь закупоривает сосуды и сердце вынуждено гнать кровь по малому кругу. Кровоток ускоряется, повышается температура тела, человеку становится жарко, и он погружается в глубокий сон, который в большинстве случаев, если не прибудет помощь, становится вечным...

Вот в таких экстремальных условиях живут работают люди в Оймяконе — Полюсе холода и в других улусах нашей Якутии.

Это трудолюбивые, честные и совестливые люди, и я горжусь, что среди них у меня есть много друзей и знакомых.

Так же, как и они скорблю об рано ушедших по роковому стечению обстоятельств многих жителей, вместе с которыми я долгое время жил и работал в непростых условиях Крайнего Севера.

Моё житьё-бытьё на Колыме было бы скучным и однообразным, если бы в свободное от работы время я не предавался своим любимым занятиям — рыбалке и охоте.

... Как-то незаметно пролетели первые два года моей жизни на Колыме.

Стоял октябрь 1979 года. Уже ощущалось ледяное дыхание приближающейся зимы, выпал первый снег, запорошив дороги и тропинки. Озера покрылись льдом, позволяющим рыбакам ставить сети для лова жирных чиров и икряной пеляди. Но широкая гладь реки Колымы упорно боролась за свою свободу и не хотела одевать на себя ледяные оковы. Каждый день я приходил на берег и смотрел не, оделась ли в голубой панцирь моя любимая река, чтобы перейти по льду на противоположный берег. Мои охотничьи уголья и рыбные озера были на другой стороне Колымы, в 5 км ниже по течению. Там уже с осени стояла и

ждала меня моя палатка с капканами, сетями-снастями и запасом продуктов.

Наконец, не выдержав сильных морозов, река замёрзла, но в некоторых местах виднелись большие полыньи парящей воды. Через два дня, посчитав, что лёд на реке выдержит вес человека, я налегке двинулся с утра пораньше по тонкому льду.

В руках у меня была тонкая длинная спасательная жердь, на случай, если я провалюсь под лёд. В кармане, в запаянном целлофановом пакете, лежали две коробки спичек и электрический фонарик, к сожалению, быстро разряжающийся на холоде. В деревне был дефицит круглых батареек для китайских фонариков и поэтому я вынужден был взять ненадёжный аккумуляторный, который заряжается от сети. Ведь в это время уже стояла полярная ночь. Вокруг были вечные сумерки и очень плохая видимость.

Благополучно, освещая свой путь фонариком, я миновал две огромные полыньи посередине реки, которые неприятно зияли своими темными амбразурами. Лёд возле них предательски прогибался, и я медленно, как канатоходец, мелкими шажками и затаив дыхание, с испариной на лбу обошёл их.

Ширина Колымы в месте моего путешествия составляла порядка трёх километров.

И вот я уже в своей брезентовой походной палатке. Быстро на костре вскипятил воду в чайнике и стал с удовольствием пить ароматный цейлонский чай. Подкрепившись, я недалеко, на небольшой едоме (маленькое возвышение около озёр) установил десяток капканов на соболей. Затем на ближайшем озере поставил подо льдом пять сетей.

Очень торопился, так как быстро темнело, а мне не хотелось в сплошной темноте переходить замерзающую реку с обилием полыней.

Обратный путь прошёл без происшествий, если не считать моего крайнего напряжения, когда я приблизился к первой полынье.

Как назло, фонарик на морозе стал разряжаться, светил тускло, и я только внутренним чутьём ощутил в темноте опасность, что где-то рядом начало открытой воды. И буквально через мгновение в трех метрах от меня мутный свет фонарика уперся в край плещущейся черной воды в полынье, которую быстрым течением уносило под лёд... Я буквально остолбенел от страха. От напряжения всё моё тело покрылось липким потом. Ноги предательски дрожали. Подо мною начал плавно раскачиваться тонкий суточный лёд, готовый в любую минуту развалиться и

окунуть меня в холодную колымскую воду... Собравшись с силами, я медленно, осторожно, мелкими черепашьими шажками двинулся назад и влево, обходя коварное место. Когда миновал две полыньи, я с облегчением перекрестился и наконец успокоился.

Дома о своём опасном путешествии я никому не рассказал, сказав, что ставил с друзьями сети недалеко от села.

Через два дня тяга к неизвестному и охотничий азарт вновь заставили меня пересечь Колыму, которая к этому времени почти замёрзла, лишь на перекатах темнели небольшие полыньи.

Первым делом проверил капканы. Удача мне сопутствовала — два черных соболя и один королевский горноста́й стали моей добычей. Радостный, по проторенной снежной тропинке я просто полетел как на крыльях, проверять свои сети. С удовольствием стал вынимать из них золотистых крупных чиров и серебристых пелядей, бросая их на лёд.

В течение часа лежащая на поверхности озера рыба замёрзла, и я набил ею свой объёмный рюкзак.

Пока я энергично работал, уже стемнело... В душе появилось какое-то беспокойное чувство. И я поспешно двинулся в обратный путь и совершил непростительную глупость. Пошёл не по своему следу, а решил немного срезать угол озера, занесённого снегом. Фонарик я не включал, берег зарядку, и он лежал у меня за пазухой, в тепле. Двигаясь в темноте, я вдруг неожиданно провалился под лёд по самые плечи. Я не успел даже испугаться, как какая-то неведомая сила вытолкнула меня наверх, и я спиной вместе с рюкзаком повалился на лёд. Видимо противодействующей силой было обратное давление воды.

... С моей одежды тонкими струйками стекала озёрная, с запахом водорослей, талая вода. Сняв рюкзак, я потихоньку отполз от образовавшейся проруби и только потом тихонько притянул его к себе. Затем медленно, ощупывая каждый свой шаг, двинулся к краю озера, туда, где была проторенная мной заветная тропинка.

Это потом, после детального обследования озера я обнаружил на его берегу несколько незаметных тёплых ключей, долго не замерзающих зимой.

На краю озера уже на земле снял рюкзак с рыбой и осмотрел свою одежду.

Суконные мои брюки частично намокли и превратились в ледяное полотно. Ноги были на ощупь вроде бы сухие, так как были одеты в теплые меховые охотничьи оленьи ичиги с заячьими кянчами.

Решил в палатку не идти, костёр для просушки одежды не разводить,

а в темпе идти в Колымское, огни которого ярко светились вдали и завораживающе манили к себе.

Это была моя величайшая и непростительная ошибка.

... На середине Колымы дул пронизывающий до костей ветер, силу и холод которого я ощутил всеми клетками своего остывающего тела.

Ноги мои стали быстро замерзать, видимо вода всё же проникла сквозь одежду и обувь и стала проводником ненавистного холода. Да ещё обледеневшая одежда мешала идти быстро. Я семенил мелкими шашками по скользкому льду и от этого сильно устал.

Еле-еле перешёл Колыму. Сбросил тяжеленный рюкзак и буквально без сил свалился на землю для отдыха. Вся моя энергия ушла на преодоление р. Колымы. Меня стало сильно клонить в сон. Чувствую, что совсем замерзаю. Через силу открыл затуманенные глаза и огромным усилием воли заставил своё тело шевелиться и ползти по рыхлому снегу.

... Тёплая кровь медленно потекла по застывшим сосудам и мышцы на руках и ногах стали понемногу согреваться и оживать.

Наконец решительно встал и шатаясь, весь облепленный снегом, начал двигаться в сторону села. Рюкзак с рыбой остался сиротливо лежать на кромке берега.

Мне уже было не до рыбы. Передо мной стоял извечный гамлетовский вопрос: **жизнь или смерть...**

Не помню, сколько времени я тащился до Колымского...

Наконец открыл дверь своего родимого дома, на меня пахнуло теплом раскалённой печки и запахом домашнего уюта. Собрав все свои оставшиеся силы, я как ни в чём не бывало прошёл к кирпичной печке, открыл настежь её дверцу, сел на табурет и стал ждать, когда растает лёд на ичигах, чтобы развязать кожаные оборки.

В топке дружелюбно трещали поленья дров и вскоре благодатное тепло окутало меня и проникло во все уголки моего насквозь промёрзшего тела.

Это было незабываемое блаженство!

Жена подозрительно поглядывала на меня, готовя мне кружку горячего чая.

С каждым глотком живительной влаги во мне просыпались мои жизненные силы.

Буквально через час я уже весело рассказывал о своих на ходу выдуманных похождениях и, переодевшись в сухое белье, поспешил обратно за своим рюкзаком. Я боялся, что огромные полярные волки, свежие

следы которых я видел на берегу, ночью полакомятся моей рыбой.

Просто сам удивлялся, как всего за час восстановились мои силы и появилась мощная энергия. Вот, что значит молодость!

... Вечером, вся моя семья весело и с удовольствием лакомялась деликатесной строганиной из озёрного чира. Я еле успевал строгать рыбу, так как её белые игривые завитушки тут же исчезали, тая во рту моих любимых жены и детей.

Это было незабываемое и авантюрное время моей безрассудной молодости!

Об этом вспоминаешь сейчас с нескрываемым удовольствием и с юмором.

Н.Н. Габышев
Санкт-Петербург